

Назидание, как христианам примириться с Моисеем (1525)

Перевод с немецкого и комментарии А.К. Судакова

Дорогие друзья, Вы часто слышали, что публичной проповеди с неба не случалось никогда, кроме только двух раз, хотя в другое время Бог нередко говорил на земле через людей и с людьми, как, например, со святыми праотцами Адамом, Ноем, Авраамом, Исааком, Иаковом и многими другими, вплоть до Моисея, и через них. Но он не говорил через них и с ними с таким торжественным величием и наружным шумом или публичным криком и восклицаниями, как в эти два раза. Но он внутренне просвещал их сердце и говорил их устами, как показывает Захария, отец Иоанна, в своем песнопении, когда говорит, Лк. 1:70: «Как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих». Первая же проповедь находится в книге Исход (гл. 19), когда Сам Бог с большой пышностью и величественной силой заговорил с неба в то время, когда Он дал закон народу Израильскому, с громами и молниями, и дымом, как из печи, и трубным звуком весьма сильным, и народ слышал все это и трепетал и устрасался¹.

Во второй раз Бог низвел с неба другую публичную проповедь через Святого Духа в день Пятидесятницы (Деян. 2). Ибо тогда Святой Дух также пришел с большой торжественностью и наружным достоинством, так что сошел с неба как бы быстро несущийся сильный ветер и наполнил весь дом, в котором находились ученики. И на них видели разделяющиеся языки, как бы огненные, и они поместились по одному на каждом из них, и все они исполнились Святого Духа и начали проповедовать и говорить на иных языках². Это происходило с большой торжественностью и великой силой, так что апостолы после того проповедовали столь могущественно, что проповеди, произносимые в мире теперь, едва ли только тень этой их проповеди, а именно – по наружной торжественности и шуму. Ибо они говорили на всех языках и совершали великие знамения, как описывает это Лука в Деяниях апостолов. Но через теперешних проповедников он не являет себя ни звуком, ни видом, и с неба гласно ничто не сходит. Поэтому я сказал, что есть только две особые и публичные проповеди, которые люди видели и слышали с неба, хотя Бог Отец говорил с неба также и с Христом, когда крестился Христос на Иордане³, и на горе Фавор⁴ (Мф. 3:17; 17:5). Но это происходило не на виду у общины.

¹ «На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане. <...> Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; и звук трубный становился сильнее и сильнее» (Исх. 19:16, 18–19).

² «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян. 2:1–4).

³ «И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:17).

⁴ «Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф. 17:5).

Вторую проповедь, объявленную прежде устами и в книгах святых пророков, Он хотел послать в мир. Он уже не будет больше говорить так публично посредством проповедей, но в третий раз Он Сам лично придет с божественной славой, так что затрепещет и содрогнется перед Ним всякая тварь. И Он уже не будет больше проповедовать им, но они увидят и почувствуют Его Самого.

Первая проповедь и учение есть Закон Божий, вторая – Евангелие. Эти две проповеди не согласуются между собою, поэтому следует хорошо это понимать, чтобы уметь различать их и знать, что есть Закон и что есть Евангелие. Закон повелевает и требует от нас того, что мы должны делать, направлен только лишь на наши действия и состоит в требовании. Ибо через закон Бог говорит: *делай то, не делай этого, этого я хочу от тебя*. Евангелие же не проповедует, что мы должны делать или чего не делать, ничего от нас не требует, но обращает это (*wendet es um*), делает противоположное тому и не говорит: *делай то, делай это, но только велит нам протянуть руки и взять и говорит: Смотри, дорогой человек, вот что сделал тебе Бог, Он повелел для тебя Сыну Своему прийти во плоти, сделал так, что Его умертвили ради тебя, и спас тебя от греха, смерти, сатаны и ада, веруй в это и прими это, и будешь блажен*. Итак, есть двоякое учение и двоякого рода дела – Бога и человека. И как мы и Бог отделены друг от друга, так отделены друг от друга и два рода учений. Ибо Евангелие учит единственно лишь тому, что даровано нам Богом, а не тому, что мы должны дать Богу и что делать, как обыкновенно учит этому закон.

Посмотрим здесь, как раздалась в мире первая проповедь и с какой торжественностью Бог дал Свой закон на горе Синай. Он особо избрал место для этого, потому что хотел, чтобы там Его увидели и услышали. Не то чтобы Бог говорил таким образом; ибо у Него нет уст, языка и губ, как у нас. Но сотворивший и создавший уста всех людей может также создать язык и голос. Ибо, как говорит пророк, никто не мог бы сказать ни слова, если бы не было прежде дано ему это Богом⁵, невозможно было бы говорить, если бы Бог прежде не вложил этой речи нам в уста. Так, язык, речь и голос суть дары Божии, подобно другим дарам, как, например, плоды на деревьях. Сотворивший же уста и влагающий в них язык может создать и язык, хотя бы еще и не было уст. Слова же, написанные здесь в книге Моисея, говорил ангел. Не то чтобы был один только ангел, но великое множество и бесчисленное воинство ангелов служило Богу и проповедовало на горе Синай перед народом Израильским. Но ангел, который говорил здесь и который здесь всех важнее, говорит так, как если бы говорил здесь Сам Бог и сказал: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исх. 20:1), и т. д., все равно как если бы Петр или Павел говорили от имени Бога и сказали: Я Бог ваш, Который желает дать вам блаженство через Сына Моего возлюбленного, и т. д. Павел говорит, Гал. 3:19, что закон «преподан через Ангелов». Это значит: посланы были ангелы, чтобы от имени Бога дать народу Израильскому Закон Божий, и Моисей как посредник должен был получить от ангелов этот закон. Это я говорю для того, чтобы вы знали, кто дал Закон. Однако он сделал все потому, что хотел тем самым принудить, схватить и поставить в безвыходное положение иудеев.

⁵ Ближе всего к этому месту слова Иоанна Крестителя: «Иоанн сказал в ответ: не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба» (Ин. 3:27).

Но вы вполне можете подумать: что же это был за голос? Это был голос, подобный голосу человеческому, так что его было хорошо слышно. Поэтому звуки и буквы звучали так, чтобы их могло уловить плотское ухо. Но это был внушительный, величественный и громкий голос, как сказано в книге Втор. 4:12, где говорит Он, что они слышали голос и не видели никакого человека, но слышали сильный голос; ибо голос Его был громок, как если бы мы в темноте слышали голос с высокой башни или кровли и, однако же, никого не видели бы, но слышали бы только сильный голос мужчины⁶. А потому этот голос и называется гласом Божиим, ибо он превосходил силой человеческий голос.

Теперь же вы услышите, в каком отношении состоял Бог к тому голосу, которым он хотел привести в движение и пробудить свой народ. Ибо Он намеревался положить начало наружному духовному правлению. Ибо перед тем (Исх., гл. 18) в тексте сказано, как Моисей, по совету своего тестя Иофора, установил мирское правление, назначил начальников и судей. Кроме этого есть еще духовное правление, в котором Бог правит в сердцах людей. А этого царства нельзя увидеть, ибо оно находится только в вере и пребудет вплоть до Судного дня. И вот, таковы два царства, мирское, правящее посредством меча и видимое наружно, духовное правит только посредством благодати и прощения грехов, и этого царства мы плотскими очами не видим, но оно постигается только верой. Между этими двумя царствами есть еще иное царство, поставленное посредине, полудуховное и полумирское. Это царство охватывает иудеев с заповедями и внешними церемониями, как они должны держать себя во внешнем своем поведении в отношении к Богу и людям в мире.

Закон Моисея не обязывает язычников, а обязывает только иудеев

Закон Моисея касается иудеев. Он заведомо не обязывает нас. Ибо закон дан только народу Израильскому, и Израиль принял его для себя и своих потомков, а язычники здесь исключены. Несмотря на то, у язычников некоторые законы также общие с иудеями, как, например то, что есть один Бог, чтобы не оскорблять никого, чтобы не прелюбодействовать и не воровать, и многое другое подобное. Но все это написано в сердцах их от природы⁷, и они не слышали этого с неба, как слышали иудеи. Поэтому весь этот текст не касается язычников. Это я говорю ради мечтательных умов (*Schwärmergeist*). Ибо вы слышите и видите, как они читают Моисея. Они немало его цитируют и излагают, как Моисей управлял народом с помощью заповедей, хотят быть умными, хотят знать что-то больше того, что заключается в Евангелии, почитают веру чем-то малым, вводят в обычай нечто новое, хвалятся и делают вид, будто это написано в Ветхом Завете, хотят править народом по букве закона Моисеева, как будто бы прежде его никогда не читали. Но с этим мы не желаем согласить-

⁶ «И говорил Господь к вам из среды огня; глас слов Его вы слышали, но образа не видели, а только глас» (Втор. 4:12).

⁷ Имеется в виду суждение апостола Павла: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:14–15).

ся. Я желал бы лучше во всю жизнь свою никогда больше не проповедовать, нежели снова впустить Моисея и позволить вырвать Христа из человеческих сердец. Мы больше не хотим иметь Моисея своим правителем или законодателем, да и сам Бог тоже этого не хочет. Моисей был посредником и законодателем одного лишь еврейского народа, им он дал закон. Таким образом, нужно заткнуть рот вожакам толп (*Rottengeistern*), которые говорят: Так говорит Моисей, так написано в книге Моисея и тому подобное. Говори так: Моисей нас не касается. Если я принимаю Моисея в одной заповеди, то мне нужно принимать всего Моисея. Итак, отсюда следовало бы: если я признаю Моисея учителем и законодателем, то мне следовало бы обрезать, стирать одежду по-иудейски и есть и пить, одеваться и содержать все обычаи так, как это было велено в законе иудеям. Мы не хотим содержать или принимать Моисея таким образом. Моисей умер. Его правление закончилось, когда пришел Христос. Он служит не далее, чем только до этих пор.

А то, что Моисей не обязывает язычников, можно доказать из текста в книге Исход, где Сам Бог (Исх. 20:1) говорит: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства». Из этого текста мы ясно видим, что и десять заповедей нас тоже не касаются; ибо ведь Он не выводил из Египта *нас*, а вывел одних только иудеев. Вожаки толп желают навязать нам Моисея со всеми заповедями. Такое намерение мы хотим оставить. Мы желаем считать Моисея учителем, но не желаем считать его нашим законодателем, если только не согласен он с Новым Заветом и с естественным законом. А потому достаточно ясно, что Моисей – законодатель иудеев, а не язычников. Ибо в этом тексте Моисей дал иудеям такой знак, по которому они должны избрать Бога, если призывают Его как Бога, изведшего их из Египта. У христиан есть другой знак, по которому они постигают Бога как того, кто сделал для них Сына Своего «премудростью... и праведностью и освящением и спасением» (1Кор. 1:30).

Далее, я могу доказать из третьей заповеди, что Моисей не касается (ни) язычников, ни христиан. Ибо Павел и Новый Завет упраздняют субботу, так что вполне очевидно, что суббота дана одним только иудеям, для которых она была строгой заповедью. Пророки также указывали, что правило субботы для иудеев будет упразднено. Исаия говорит: «Когда придет спаситель, то настанет такое время, когда из субботы в субботу, из месяца в месяц» (66:23) и т. д., как если бы он хотел сказать: каждый день будет суббота, будет такой народ, который не будет знать различия дней. Ибо в Новом Завете суббота, по ее грубому наружному образу, истощается (*darnieder liegt*), так как каждый день – святой день и т. д.

Если теперь тебе предъявляют Моисея с его заповедями и желают требовать от тебя соблюдать это, то скажи: Иди к иудеям со своим Моисеем, я не иудей, оставь меня в покое с Моисеем. Если принимаю Моисея в одной части (говорит Павел, Гал. 5:3), то я обязан соблюдать весь закон⁸. Ибо ни один пункт в Моисее до нас не касается.

⁸ «Вот я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам пользы от Христа. Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон... во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал. 5:2–3, 5).

Если же кто-нибудь захотел сказать: Почему же ты проповедуешь Моисея, если он ни в чем нас не касается? Ответ: Я для того хочу сохранить Моисея, а не совать его под лавку, что нахожу у Моисея три вещи, которые могут быть полезны также и для нас. Во-первых: законы, данные народу Израильскому, касающиеся внешнего поведения, я оставляю в стороне. Они не принуждают меня и ничего от меня не требуют. Эти законы мертвы и отошли, разве что я охотно и по своей воле пожелаю принять их из книги Моисея, как если бы я говорил: так управлял Моисей, мне это кажется прекрасным, я хочу следовать ему в этом или в том. Впрочем, я охотно желал бы, чтобы господа правили по примеру Моисея, и если бы я был императором, я бы хотел взять пример для законов из Моисея. Не то чтобы Моисей мог принудить меня, но так, чтобы я был свободен последовать за ним в этом и вести правление так же, как правил Моисей. Например, давать десятину – это весьма неплохая заповедь. Ибо, если дают десятину, то все прочие проценты упраздняются, и даже простому человеку было бы сноснее давать десятину, чем подати, которых требуют от него теперь. Будь у меня, например, десять коров, то я отдал бы одну, будь у меня пять коров, я ничего бы не давал. Если бы у меня в поле росло мало, я дал бы мало, а если бы росло много, то я дал бы много; это было бы в Божией власти. А так я вынужден платить языческие проценты, даже если бы все плоды на моем поле побил градом. Если я должен платить сотню гульденов процентов, то должен отдать их, даже если на поле нет ни одного плода. Таков же и декрет и правление папы. Но было бы справедливее, если бы было устроено так: если у меня вырастет много, то мне следует платить много, а если вырастет мало, платить нужно мало.

Далее, в книге Моисея сказано также, что никто не должен продавать земельного надела как вечное наследственное имение, но только до юбилейного года или года торжества. И когда этот год наступал, то каждому снова возвращался проданный им надел или имения, и таким образом имения оставались в семье (Лв., гл. 25). Так, в Моисее есть и другие чрезвычайно прекрасные заповеди, которые мы хотели бы принять, использовать и оставить в силе. Не то чтобы мы принуждали с их помощью или же они нас принуждали бы, но, как я сказал ранее: император мог бы взять за образец, как можно составить себе превосходное правление по книге Моисея, как превосходное правление было также и у римлян и каково «Саксонское зеркало», по которому судится эта страна. Язычники не обязаны состоять в повиновении у Моисея. Моисей – это «Саксонское зеркало» для иудеев. Но если бы из него взяли себе таким образом добрый пример для правления, то пусть бы содержали это правление по доброй воле сколько угодно долго. Так же точно у Моисея написано: если кто-то умрет бездетным, то брат или ближайший друг должен был взять его жену и сделать его своей домохозяйкой и восставить потомство умершему брату или другу, и первый ребенок считался сыном умершего брата или друга (Втор. 25:5 и след.). И это – тоже превосходная заповедь. В книге Моисея немало еще и других подобного рода заповедей, которые все можно было бы выбрать в ней для доброго правления и тем самым привести страну и людей в должный порядок и благообразие.

Если же придут вожаки толп и скажут: так заповедал Моисей, то оставь в покое Моисея и отвечай: я не спрашиваю о том, что заповедал Моисей. И даже если (они скажут): он заповедал, чтобы у нас был один Бог, чтобы мы доверяли

и верили ему, не клялись именем Его, чттили отца и мать, не убивали, не прелюбодействовали, не лжесвидетельствовали и не желали жены и имущества другого человека. Разве это не следует соблюдать? Отвечай так: природа также имеет эти законы, природа велит нам призывать Бога, на это указывают также и язычники. Ибо никогда не было ни одного язычника, который бы не призывал своих идолов, хотя они, как и иудеи, и не познали истинного Бога. Ибо и у иудеев, подобно язычникам, тоже было идолослужение, но только иудеи получили закон. Однако у язычников этот закон написан в сердцах, и нет (между ними) никакого различия, как указывает и Павел, Рим. 2:14: Язычники, не имеющие закона, имеют закон написанным в сердцах своих. Но как заблуждаются иудеи, так же точно заблуждаются и язычники. А потому это соответствует природе: чтить Бога, не красть, не прелюбодействовать, не давать ложного свидетельства, не убивать, и заповедуемое Моисеем не ново. Ибо то, что Бог дал иудеям с неба через Моисея, то же написал Он и в сердцах всех людей, как иудеев, так и язычников, только иудеям, как Своему собственному избранному народу, Он вдобавок велел написать и возвестить это посредством плотского голоса и письмен. Итак, я соблюдаю заповеди, данные Моисеем, не потому, что заповедал их Моисей, но потому, что они внушены мне от природы, а Моисей согласуется здесь с природой и т. д. Но другие заповеди у Моисея, которые не внушены всем людям от природы, язычники не соблюдают, и они также не касаются их, как, например, заповедь о десятине и другие, хотя и они, однако, также прекрасны. Как я сказал, я хотел бы, чтобы и у нас они тоже были. И вот это – первое, что я должен видеть в Моисее, а именно – заповеди, к соблюдению которых я не обязан, если только они не запечатлены в каждом человеке от природы и не написаны в сердце его.

Второе, что нужно заметить в Моисее

Во-вторых, я нахожу в Моисее нечто такое, чего не имею из природы, – это обетования и обещания Бога о Христе. И это – самое лучшее чуть не во всем Моисее, что не было написано от природы в сердцах людей, но нисходит с неба, как, например, то, что Бог обещал, что Сын Его родится во плоти. Это возвещает нам Евангелие, и это – не заповеди, они не требуют от нас также делать или не делать чего-либо, но это утешительные, радостные обетования Божии, которые нам надлежит принять и смело на них положиться против всех искушений греха, смерти, сатаны и ада.

И это – наипервейшее у Моисея, что принадлежит также и нам, язычникам. Первое, а именно заповеди, до нас не касается, но второе мы должны всем сердцем воспринять и читать Моисея потому, что в его книгах написаны столь превосходные и утешительные обещания, которыми я могу укрепить свою слабую веру. Ибо в царстве Христове происходит так, как я читаю о том у Моисея, в котором я нахожу также правую основу.

И так, именно таким образом следует мне принимать Моисея и не пренебрегать им: во-первых, потому, что он дает прекрасные образцы для законов, которые можно позаимствовать у него, чтобы извне управлять в должном порядке страной и людьми. Во-вторых, в нем есть обещания Божии, с помощью

которых укрепляется и поддерживается вера. Если, например, Бог говорит змею, как написано в книге Бытия (3:15): «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятах», это – первое совершившееся на Земле евангелие и обетование о Христе, что Он одолеет смерть, грех и ад, избавит нас от власти змея и сделает блаженными. В это веровал Адам со всеми потомками своими, благодаря чему он прежде своего падения также стал христианином и блаженным. Далее, Аврааму дано было от Бога обещание, как сказано в книге Бытия, когда Бог сказал ему (Быт. 22:18): «И благословятся в семени твоём все народы земли». Это было второе евангелие о Христе, что через него благословятся и обретут блаженство все люди, как толкует это также Павел (Гал. 3:8 и след.). Затем, в книге Второзаконие (18:15 и сл.) Моисей говорит народу Израильскому: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой, – Его слушайте, так как ты просил у Господа, Бога твоего, при Хориве в день собрания». И вскоре затем (Втор. 18:18 и след.) Моисей излагает слова, сказанные ему Богом, так: «Я воздвигну им Пророка из среды братьев твоих, такого, как ты, и вложу слова Мои в уста его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему. А кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу». Все это сказано о Христе, что он принесет на Землю новую проповедь. Этих изречений немало в Ветхом Завете, которых придерживались также и верующие иудеи и которые часто использовали и приводили святые апостолы.

Но здесь спешно приступают наши вожаки толп; обо всем, что они читают у Моисея, они говорят: Это говорит Бог, никто не может этого оспорить, значит, нужно соблюдать это. И тут приступает к нам чернь: ух, если это сказал Бог, кто же станет говорить слово против этого? И вот так их и загоняют, как свиней к корыту. Наши дорогие «пророки» болтали перед народом в таких словах: Любезный народ, Бог обещал народу Своему, что они победят Амалика, и другие такие же изречения. От этого произошло бедствие и нужда, крестьяне восстали, не делали никакого различия и были введены таким образом в это заблуждение безумными вожаками толп. Если бы случились там ученые проповедники, которые бы могли противостоять лжепророкам и воспретить им и сказать им: Любезные вожаки толп, это правда – Бог заповедал это Моисею и говорил так к народу. Но мы – не тот народ, которому Господь говорит это. Дорогой мой, Бог говорил также и с Адамом, но я по этой причине – не Адам. Он заповедал Аврааму заколоть своего сына, но я по этой причине отнюдь не Авраам, чтобы и я тоже должен был заколоть своего сына. Так говорил он также и с Давидом. Это правда, все это – слово Божие, но и то слово Божие, и это, а я должен знать и примечать, *к кому* говорится слово Божие. Ты еще далеко не тот народ, с которым говорил Бог. Лжепророки говорят: Ты – народ, Бог говорит с тобою. Докажи мне это. Так можно было бы успокоить их, но они хотели, чтобы их побили, и таким образом чернь отправилась к чертям.

С Писанием следует обращаться и действовать аккуратно. Слово говорилось от начала различными способами. Нужно смотреть не на одно только то, есть ли это слово Божие, Бог ли говорил это слово, но скорее – на то, к кому Он говорил его, относится ли оно к тебе или же к другому человеку. Тогда одно отделится от другого, как лето от зимы. Бог немало говорил с Давидом, повеле-

вал ему делать то и другое, но это не касается меня, и это не было сказано мне. Он может, правда, говорить и со мною, если пожелает. Тебе надлежит смотреть на то слово, которое относится к тебе, которое говорится тебе, а не на то, что касается другого человека. В Писании есть слова двоякого рода: Одно не касается меня и не относится также ко мне, другое же относится ко мне, и в отношении того, что касается меня, я могу храбро решиться и положиться на это слово, как на крепкую скалу. Если оно не относится ко мне, то мне следует стоять тихо. Лжепророки приступают к нам и говорят: Любезный народ, это – слово Божие. Это правда, и мы тоже не можем этого отрицать. Однако мы – не тот народ, к которому Он говорит. Бог не велел нам ни того, ни другого из того, что Он заповедал им делать. Вожаки толп приступали, хотели добыть что-нибудь новое и говорили: Нужно соблюдать также и Ветхий Завет. Таким образом они вогнажи крестьян в такой пот, который они не скоро отрут со лба своего, и даже более, – они, как мы это, к сожалению, видели и испытали, погубили тела и имущество, жен и детей бедного народа. Безумцы полагали, будто подобное слово Божие от них скрывали, вот только никто не сказал им, что им следует умертвить этих безбожников. Но им воздается по справедливости, они не хотели никому следовать и никого не желали слушать. Я сам видел и испытал, насколько они были безумны, неистовы и бессмысленны.

Поэтому говори таким вожакам толп так: Оставь вместе и Моисея, и его народ, им настал конец. Меня это не касается, я слушаю слово, относящееся ко мне. У нас есть Евангелие. Христос говорит (Мк. 16:15): «идите... и проповедуйте Евангелие», не только иудеям, как Моисей, но всем язычникам и даже «всей твари». Мне сказано: «Кто верует и крестится, спасен будет» (Мк. 16:16). Далее: «иди и ты поступай (с ближним своим) так же» (Лк. 10:37). Эти слова относятся также и ко мне; ибо я – одна из всех тварей. Если бы Христос не прибавил: «проповедуйте всей твари», то я не хотел бы с этим сообразоваться, не хотел бы креститься и вел бы себя в отношении к этому так, как я ныне веду себя относительно Моисея. С ним я решительно ни в чем не сообразуюсь, он также и не касается меня, ибо он дан не мне, а одним только иудеям. Но поскольку Христос говорит, что Евангелие («Кто верует и крестится, спасен будет») надлежит проповедовать не одному только народу, не в том или ином месте мира, но всей твари, то из Евангелия не изъят никто, но вся тварь Божия включена в его область: никому не позволено сомневаться в том, что Евангелие должно быть проповедано и ему также. Итак, я верую этому слову, верую, что оно касается также и меня, что я также отношусь к числу подданных Евангелия и Нового Завета. Поэтому я решаюсь действовать, опираясь на это слово, даже если бы это стоило сотни тысяч жизней.

Это различие должны хорошенько заметить себе, постигнуть и усвоить сердцем те проповедники, которые хотят учить других людей, и даже – всех христиан; ибо все целиком и полностью от него и зависит. Если бы крестьяне поняли это таким образом, то многие из них остались бы жить и не были бы соращены и погублены таким жалким способом. А там, где мы станем понимать это иначе, станем создавать секты и толпы, если будем так, безо всякого различия, плевать и вопить с пеной у рта посреди безумного несмышленного народа: «слово Божие, слово Божие». Да, любезный друг, все не так, дело в том, тебе ли это слово сказано или нет. Бог говорит ведь также с ангелами,

деревьями, рыбами, птицами, зверями и со всеми тварями, но по одной этой причине это слово не касается меня. Мне нужно смотреть на то, что относится ко мне, что сказано мне, посредством чего Он увещает, побуждает меня и требует от меня. Возьми пример этому: Если бы у домохозяина были жена, дочь, сын, служанка и работники и он сказал бы работнику и велел ему запрячь лошадей и ехать за дровами, пахать землю и исполнять подобную тому работу, служанке сказал бы, чтобы она доила коров, приготовила бы масло и тому подобное, а жене – чтобы она наблюдала за кухней, и так же дочери, чтобы она пряла и стелила постель, – то все это были бы слова одного господина, одного домохозяина. Если же служанке взбрело бы что-то на ум и она бы захотела заниматься лошадьми, захотела бы поехать за дровами, работник присел бы к коровам и захотел их доить, дочь захотела бы ехать в повозке или пахать, жена захотела бы стелить кровать, пряхь и забыть о должностях по кухне, и все они захотели бы сказать так: так велел господин, это – приказ хозяина отца семейства. Тогда отцу семейства надлежало бы приступить и взять дубинку и поразить их всех до единого и сказать: хотя это и мой приказ, но это я приказал не тебе, каждому из вас я сказал что-то свое, и вам нужно было держаться только этого.

Так обстоит дело и со словом Божиим. Если бы я хотел приняться за исполнение того, что Он повелел другому, и хотел бы сказать: но ведь это же Ты сказал, – Он ответил бы: кто станет благодарить тебя за это? я сказал это не тебе. Нужно хорошо различать, относится ли слово к нам самим или ко всем вместе. Если же отец семейства сказал бы: В пятницу будем есть мясо, – это было бы общее слово, обращенное ко всем в доме. Так, к одним только иудеям относится то, что было сказано Богом Моисею относительно заповедей, но Евангелие проходит по всему миру и наполняет его, никто не изъят из его области, но проповедуется оно всей твари. Поэтому его должен принять весь мир, и принять так, как если бы оно было проповедано каждой твари в особенности. Слово о том, что мы должны любить друг друга, касается меня, ибо оно касается всех, принадлежащих к области Евангелия. Итак, Моисея мы читаем не потому, что он относится к нам, так чтобы нам надлежало соблюдать его, но потому, что он согласуется с естественным законом и составлен лучше, чем когда бы то ни было могли бы сделать это язычники. Итак, десять заповедей суть зеркало нашей жизни, в котором мы видим, чего нам недостает и т. д. Вожаки толп неверно поняли Моисея также и в отношении к образам, ибо и это тоже касается одних только иудеев и т. д. Во-вторых, как было сейчас сказано, мы читаем Моисея ради тех обетований, которые говорят о Христе, принадлежащем не одним только иудеям, но также и язычникам. Ибо через него все язычники должны получить прощение и благословение, какое обещано было Аврааму.

Третье, что нам нужно воспринять у Моисея

В-третьих, Моисея мы читаем ради прекрасных примеров веры, любви и креста у дорогих святых отцов Адама, Авеля, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Моисея и так далее и далее, на которых мы должны учиться доверять Богу

и любить Его. И наоборот, мы видим также примеры неверия безбожников и гнева Божия, как Бог не оставляет неверующих в их неверии, как он наказал Каина, Измаила, Исава, весь мир всемирным потопом, Содомом и Гоморрой и многими другими подобного рода наказаниями, которые он излил на безбожников. И эти примеры нам очень нужны. Ибо, хотя я и не Каин, все же, если я делаю так, как делал Каин, то получу такое же наказание, как и Каин. Нигде больше мы не находим столь прекрасных примеров того и другого – веры и неверия, как именно у Моисея. Поэтому не следует пренебрегать Моисеем. И таким образом мы правильно пойдем Ветхий Завет, если удержим из пророков прекрасные изречения о Христе и хорошо постигнем и запомним прекрасные примеры и если будем использовать законы по нашему благорасположению и извлечем из них пользу для себя.

Заключение

Я сказал, что все христиане и в особенности те, которые хотят учить других людей и заниматься словом Божиим, что они должны хорошенько поберечься и научиться верно (понимать) Моисея: что там, где он дает заповеди, мы не можем принимать его более, нежели насколько он согласуется с естественным законом. Что Моисей – учитель и доктор иудеев. Мы имеем своего учителя, Христа, который изложил нам, что нам следует знать, соблюдать, что делать и чего не делать. Но правда то, что Моисей наряду с законами записывает прекрасные примеры веры и неверия, наказания безбожников, возвышения благочестивых и верующих людей, а также и любезные и утешительные обетования о Христе, которые мы должны принять так же, как мы должны это делать в отношении Евангелистов. Если, например, мы читаем о десяти прокаженных⁹: меня не касается то, что Он велит им пойти к священникам и принести свои жертвы. Но пример их веры касается меня, чтобы я тоже верил Христу, как они. Об этом теперь сказано достаточно, и на это нужно обращать всякое внимание; ибо от этого очень много зависит, и многие великие замечательные люди погрели в этом, и теперь многие великие проповедники смущаются этим, не умеют проповедовать о Моисее, не могут как нужно примириться с ним, делаются несмысленны, буйствуют, бесчинствуют и неистовствуют, болтают среди народа: «слово Божие», «слово Божие», «слово Божие», соблазняют бедных людей и толкают их в ров. Многие ученые люди не знали, в какой именно мере следует учить о Моисее. Ориген¹⁰, Иероним¹¹ и им подобные не дали ясного указания о том, в каких пределах служит нам Моисей.

⁹ Евангельская притча об исцелении Христом десяти прокаженных в одном селении между Самарией и Галилеей (Лк. 17:11–19).

¹⁰ Ориген Адамантийский (ок. 185 – ок. 254) – христианский богослов, философ и ученый. Первым в христианской церкви начал собирать и толковать Священное Писание, поэтому считается основоположником библейской филологии (библиистики). Для установления критически надежного текста Ветхого Завета составил шесть синхронизированных списков Ветхого Завета («Гексапла»), сохранившиеся до наших дней в виде фрагментов.

¹¹ Иероним Стридонский (342–420) – церковный писатель, учитель церкви, создатель канонического латинского перевода Священного Писания.

Это я хотел сказать в порядке введения в Моисея: как нужно примириться с ним и как надлежит понимать и принимать Моисея, а не вовсе пренебрегать им. В нем заключен столь прекрасный порядок и внешнее правление, что чтение его доставляет удовольствие, – не говоря о том, что он, как вы слышали, описывает много замечательных и прекрасных вещей, которых не только не следует отвергать, но нужно также высоко чтить и искренним сердцем принимать для поощрения и укрепления нашей христианской веры, через которую обретаем спасение мы, как обрели его прежде дорогие святые отцы.